

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS₁₃(13°)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 13 (441)

19-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии : за год **100** фр., за $\frac{1}{2}$ г. — **50** фр., за $\frac{1}{4}$ г. — **25** фр., для С.А.С.Ш. : за год — **6** долл., за $\frac{1}{2}$ г. — **3** долл., за $\frac{1}{4}$ г. — **1,50** долл.; для остальных стран : за год — **150** фр., за $\frac{1}{2}$ г. — **75** фр., за $\frac{1}{4}$ г. — **40** фр. За перем. адр. — **1** фр. Конт. и ред.: **11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII.** Тел.: **Port-Royal 05-25**.
Chèques Postaux « Le Courrier Socialiste » — **359,84 Paris.**
Принем по делам ред. : по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

13 Июля 1939 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. Дан. Неудавшийся пакт.
Р. Абрамович. Проблема пролетарской военной тактики.
В. Александрова. Литературно-революционные портреты (Илья Эренбург).
С. Шварц. «Русский вопрос» на международном конгрессе профсоюзов.

60-летие Фридриха Адлера. — Телеграмма ЗИ РСДРП.

Заграницей: А. Росси. Итальянский народ и война. — Обращение английских рабочих к германскому народу. — Ответ германской социалдемократии. — В последнюю минуту: Арест тов. Лоренца в Риге.

Extrait du Sommaire : Articles de Th. Dan sur le pacte tripartite et l'échec des pourparlers à Moscou ; de R. Abramovitch sur les problèmes de la politique prolétarienne pendant la guerre ; de V. Alexandrova sur Ilya Ehrenburg ; de S. Schwarz sur le problème russe au Congrès Syndical International à Zurich ; de A. Rossi sur le peuple italien et la guerre. — Appel radiodiffusé du mouvement ouvrier britannique au peuple allemand et la réponse de la socialdémocratie allemande. — A la dernière heure : Arrestation de K. Lorencs à Riga.

Ф. ДАН.

Неудавшийся пакт

Ко дню, когда пишутся эти строки (9 июля), уже почти 3 месяца прошло с начала англо-советских переговоров, но пакт между Англией и Советским Союзом до сих пор не заключен.

Весьма возможно и даже весьма вероятно, что в конце концов будут все же найдены приемлемые для обеих сторон «формулы», и договор будет подписан: это будет во всяком случае не тот договор, не того смысла и значения и не той эффективности, обетование которого вызвало такой радостный подъем надежд в широчайших народных массах три месяца тому назад! Ибо, прежде всего, то будет договор уже не столько о предотвращении войны, сколько об ее ведении и притом ведении в условиях, ставших за истекшую четверть года значительно более благоприятными для фашистского многоугольника и значительно менее благоприятными для его противников.

Война стала гораздо менее предотвратимой, чем была три месяца тому назад, потому, что за это время фашистский блок сделал и в области милитаризации

экономики и политики, и в области психологической обработки населения, не говоря уже о гонке вооружений и мероприятиях стратегического характера, новые гигантские шаги вперед в смысле подготовки непосредственного военного разгрома им же туго завязанных узлов. Ему стало поэтому, с точки зрения охранения престижа фашистских режимов и их обезопасения от угрожающих им революционных взрывов, еще труднее и рискованнее дать «задний ход», чем это было раньше: война еще в большей мере стала его роком.

Условия ведения войны стали более благоприятными для фашистского блока, чем были три месяца тому назад, потому, что он успел занять за это время новые и весьма сильные политические и стратегические позиции, преуменьшать значение которых было бы глупым и преступным самообманом.

Германскому национал-социализму, являющемуся настоящим гегемоном фашистского блока, удалось не только встать твердой ногой в Испании, завязать прочные связи на Балканах, окончательно вассализировать вен-

гро-чешско-словацкий центр Европы, но и милитаризовать Дания, т. е. фактически заранее превратить его в одну из крепчайших цитаделей германской армии в будущей войне. Более того. Ему удалось — и это величайший успех его! — побудить Японию предпринять на Дальнем Востоке тот решительный натиск против Англии, от которого она воздерживалась до сих пор и который, через голову Англии, ставшей первым объектом нападения, метит во все страны будущей антифашистской коалиции, отвлекает и связывает уже сейчас значительную часть ее сил и предвещает намерение Японии быть в грядущей войне союзницей Гитлера. Надолго ли говорить о том, какое гигантское приращение шансов и сил означает этот факт для гитлеровской Германии по сравнению с прошлой мировой войной, когда Япония входила в анти-германскую коалицию?

Условия ведения будущей войны для анти-фашистской коалиции значительно ухудшились за эти три месяца не только потому, что усилились позиции ее фашистских antagonists, но и непосредственно.

Анти-фашистская коалиция еще раз обнаружила перед всем миром свою неспособность действовать с той решительностью, последовательностью и быстротой, каких требует «тоталитарность» провокационной и воинственной агрессии фашизма.

Она еще раз вызвала и у так называемых «нейтральных» стран, и у возможных жертв фашистской агрессии — у всех, малых государств, которые она пытается сплотить вокруг себя во имя отпора воинствующему фашизму, законные сомнения в достаточности и действительности тех «гарантий», которыми она поощряет их к этому отпору, а вместе с законными сомнениями — и стремление на всякий случай «перестраховать» себя отдельными договорами с фашистскими насильниками (Дания, Эстония, Латвия). В смысле действительного обезопасения сих малых агнцев от фашистского волка эти договоры о «ненападении» не стоят, разумеется, выведенного яйца, но они пробивают одну брешь за другой в той плотине «коллективной безопасности», которую анти-фашистская коалиция мечтала остановить фашистскую агрессию и на которую она рассчитывала опереться, если война все же окажется неизбежной.

И, наконец, условия ведения будущей войны значительно ухудшились для анти-фашистской коалиции и потому, что трехмесячная затяжка переговоров с Советским Союзом начала снова размагничивать ставшую уже как будто общим достоянием волю к отпору фашистской агрессии в самой Англии и Франции, а вслед за ними и в Соединенных Штатах, вновь оживила замиравшие уже было иллюзии насчет возможности мирно договориться с фашистским блоком ценою уступок ему, снова начала лить воду на мельницу той «мюнхенской» политики столкновения с фашизмом без, а то и за счет Советского Союза, которая, при всей иллюзорности своей, имеет глубочайшие корни в социальных инстинктах сил, донныне господствующих в странах анти-фашистской коалиции.

Такова обстановка, в которой уже вентилируется мысль об отказе от первоначально намеченного «широкого» содержания англо-советского пакта и об ограничении его взаимным обязательством Англии и Советского Союза прийти друг другу на помощь в случае прямого нападения Германии на одну из договаривающихся стран.

Но в таком урезанном виде практическое значение пакта будет во всяком случае ничтожно, как потому, что в обще-европейской или мировой войне Великобритания и Советский Союз и без всякого пакта, а просто в силу элементарной общности интересов, окажутся в

одном и том же, анти-гитлеровском фронте, так и, в особенности, потому, что в действительном ходе вещей, как он складывается сейчас, трудно представить себе начало «большой» войны без предварительной оккупации гитлеровскою Германиею хотя бы части тех «малых» государств (Прибалтика, с одной стороны, Голландия, Бельгия, Дания, Швейцария, с другой), которые должны служить ей плацдармом для наступления на Советский Союз, Англию и Францию.

А в таком случае реальное практическое значение «узкого» пакта, заключенного после неудачи трехмесячных переговоров о пакте «широком», может оказаться даже отрицательным, поскольку он укрепит Гитлера в убеждении, что фактическое изнасилование им все новых и новых малых государств сопряжено для него лишь с минимальным риском, если только операция эта производится с надлежащей медленностью и постепенностью, в порядке нагромождения друг на друга мелких и частичных мероприятий, каждое из которых не вызывает слишком резкого противодействия со стороны анти-фашистской коалиции: известно, ведь, что посаженную в воду лягушку можно сварить совершенно без всякой реакции с ее стороны, если только подогреть воду с достаточной медленностью и осторожностью!

И никак нельзя отделаться от впечатления, что, несмотря на превосходные, твердые и твердейшие речи Галифакса, Чэмберлена, Бека и других государственных деятелей, на «вольном городе» Дании уже сейчас производится опыт такого незаметного и безболезненного сварения лягушки. Из дня в день усиливается военное внедрение гитлеровской Германии в Данию. Но в то же время со дня на день откладывается решительный протест против этого внедрения и наложение на него вето не только со стороны Англии, но и со стороны самой Польши, которая однако, в силу польско-английского пакта, имела бы в этом случае, столь явно затрагивающем ее «жизненные интересы», безусловное право на безоговорочную и всестороннюю поддержку своего могущественного великобританского партнера.

Более того. Мнимое «ослабление напряженности» в Дании — этот очевидный маневр наступательной гитлеровской стратегии — уже служит кое-каким английским кругам предлогом к пропаганде идеи польско-германской конференции для «мирного улаживания» «польско-германских отношений вообще и «данцигского вопроса» в частности. В «мировотворческое» значение такой конференции могут, конечно, искренне верить честные, но наивные пацифисты, закрывающие глаза на социально-политическую динамику исторического развития, порождающую и фашизм, и его имманентную воинственность и агрессивность. Те политики, которые идею этой конференции выдвигают, ни мало не обманываются, конечно, насчет того, что речь идет о том, чтобы капитуляцией Польши отсрочить момент напряжения сил, необходимого для того, чтобы принудить к капитуляции Гитлера и тем спасти мир, если после всего, содеянного за последние 5-6 лет, его еще возможно спасти.

После опыта Чехословакии вряд ли нужно еще доказывать, что дело сводится в данном случае не к предотвращению войны, а именно лишь к ее отсрочке, но вместе с тем к превращению ее в неотвратимый рок и к ослаблению позиций анти-фашистского фронта в этой грядущей войне.

Таковы уже сейчас видимые результаты неудач дипломатической акции, предпринятой 3 месяца тому назад, — а все сказанное выше дает полное основание говорить о не удаче, чем бы формально ни закон-

чились тянувшиеся еще англо-советские переговоры. Упущение времени смерти подобно! А времени уже упущено бесконечно много, и этого упущенного времени никак не воротить, как не исправить и роковых последствий этого упущения, являющегося настоящим преступлением перед делом мира, демократии, социализма.

Кто же несет на себе ответственность за это преступление?

Еще и еще раз приходится со всею силою подчеркнуть ответственность тех господствующих классов упадочного капиталистического общества, которые, в лице представляющих их правительств, являются одною из сторон в московских переговорах. На них, в первую голову, падает вина за создавшееся положение: и за возникновение фашизма, и за его внутренние и внешние победы на европейском, азиатском и африканском материках, и за слабость сопротивления, оказываемого его агрессии, и за его непрерывные успехи в процессе подготовки новой мировой бойни. Эта историческая вина их несомненна, ничто уже не сможет снять ее с них, и все оправдывает глубокое недоверие — не столько даже к их желанию, сколько к их способности организовать решительное сопротивление фашизму и тогда, когда речи их государственных деятелей и статьи их печати свидетельствуют о самых благих намерениях и о самой непреклонной твердости: самая крепкая скорлупа может прикрыть, но не может устранить гниющую сердцевину!

Несостоятельность крупно-капиталистических классов, как организаторов сопротивления фашизму в борьбе за мир сегодня и в борьбе за победу во все более вероятной войне завтра, — вещь настолько очевидная, что о ней не приходится уже много говорить. Ее надо принять как данное, из которого демократии и социализму надлежит лишь сделать тот вывод, что только в руках не связанного с фашизмом никакими социальными и психологическими узами, сознательно и организованного пролетариата борьба с фашизмом за мир или борьба с ним за победу в навязываемой им человечеству войне могла бы сулить настоящий и полный успех, и что поэтому борьба за власть неразрывно сплетается для рабочего класса с борьбою против фашизма за мир или за победу в войне.

Но, если вопрос о роли и политике господствующих классов в борьбе против фашизма не должен бы, казалось, возбуждать никаких сомнений у демократов и социалистов, то трудным и мучительным для них является вопрос о роли и политике сталинской диктатуры. Общее несоответствие этой политики не только интересам демократии и социализма, в идее и в реальных социально-политических возможностях представляемой революционной страной, но и национально-государственным интересам самой этой страны, — мы не раз имели уже случай характеризовать. Сейчас приходится остановиться лишь на вопросе об ответственности сталинской политики за затяжку и фактический срыв англо-советских переговоров.

О ходе и перипетиях этих переговоров известно до сих пор лишь по слухам. Но «слухи» эти достаточно определены и исходят из достаточно хорошо осведомленных источников, чтобы иметь право на серьезное внимание.

Так вот, если верить этим «слухам», переговоры сначала затягивались нежеланием английского правительства пойти навстречу требованию советского правительства и гарантировать неприкосновенность трех пограничных с Советским Союзом малых государств — Латвии, Эстонии и Финляндии, независимо от желания или нежелания самих этих государств. Когда англий-

ское правительство в этом вопросе уступило, возникли новые затруднения: называть-ли эти государства поименно или не называть, и если называть, то в самом договоре или в приложении к нему? Считать-ли нарушением их неприкосновенности лишь прямую военную оккупацию их гитлеровской армией или также одну из тех «внутренних» революций, мастером которых Гитлер показал себя и в Чехословакии, и в Данциге? А вслед за приближением к окончательному разрешению вопроса о прибалтийских странах, советская дипломатия стала выдвигать все новые и новые вопросы, как вопрос о затруднительности для Советского правительства гарантировать неприкосновенность таких стран, как Голландия и Швейцария, до сих пор его «не признавшие», или как необходимость компенсировать эту жертву советского правительства специальными договорами о взаимопомощи между ним и правительствами Польши и Румынии. И т. д. И т. п.

Каждый из той почти сотни дней, что тянутся уже переговоры, выдвигал таким образом (и продолжает выдвигать) новые проблемы и новые требования со стороны советского правительства. Каждое из этих требований, взятое само по себе, может быть оправдано тем недоверием советского правительства к своему партнеру, о законности которого мы говорили выше. Но в своей совокупности эти требования дают тот реальный результат, о котором мы тоже говорили выше и который сводится к умалению шансов на спасение мира, к усилению позиций фашизма и к ослаблению позиций его противников.

Этого — повторяю, пока единственно реального результата не может не видеть советское правительство. И все же оно ничего не делает для того, чтобы предотвратить его, чтобы встать в своей дипломатии выше своих контрагентов, поднять ее на высоту, подобающую правительству революционной страны, и от бесплодных и безнадежных поисков исчерпывающих «формул» перейти к политике, учитывающей исторические необходимости общественного развития и апеллирующей не столько к дипломатическим канцеляриям, сколько к массовым силам и анти-фашистским, и самим фашистским странам.

Достаточно взглянуть на советскую прессу, этот стопроцентно послушный рупор советского правительства, чтобы увидеть, что эта пресса ничего не делает для того, чтобы разъяснить массам действительное значение совершающихся и подготавливающихся событий и приоткрыть двери тех дипломатических канцелярий, в тайниках которых ведутся вот уже три месяца пресловутые переговоры.

Кто знает ту поистине лошадиную энергию, которую эта пресса способна развивать по любому мельчайшему вопросу, указываемому ей правительством, для того смысл ее молчания в вопросе, имеющем, быть может, решающее значение для судеб и самого Советского Союза, и Европы, и всего мира, не возбуждает никаких сомнений: советское правительство, конечно, не может хотеть того губительного результата, к которому уже привела затяжка англо-советских переговоров; но оно, несомненно, показало готовность мириться с ним во имя каких-то интересов, которые стоят для него выше интересов революционной страны, мира, борьбы с фашизмом, демократии и социализма; оно поэтому несет за него такую же ответственность, как и его партнеры.

Не надо особой проницательности, надо лишь открытыми глазами смотреть на действительное положение вещей в Советском Союзе и не забывать о различии и даже возрастающем антагонизме между теми массовы-

ми силами Союза, в которых заложен мощный потенциал демократии и социализма, и сталинским единодержавием, все более превращающимся в кристаллизационный центр контр-революционных тенденций, порожденных 22-летним развитием, чтобы увидеть, какие именно интересы мешают советскому правительству играть в борьбе против фашизма и за мир ту руководящую роль, которая бы ему подобала: это — интересы самосохранения вырождающейся сталинской диктатуры, которые так же парализуют анти-фашистскую энергию советского правительства, как интересы социального самосохранения вырождающихся господствующих классов капиталистических стран парализуют энергию правительств этих стран.

Об этом еще раз напоминает статья сталинского подруги — А. Жданова в «Правде» от 29 июня. Эта статья — единственная за много недель посвященная «Правдою» англо-советским переговорам и целиком выдержанная в духе подготовки читателей к срыву этих переговоров — обратила на себя всеобщее внимание совершенно необычным для большевистских деятелей вообще и для члена Политбюро, каким является Жданов, в особенности заявлением автора, что он высказывает свое «личное мнение, хотя мои друзья и не согласны с ним». Надо быть очень наивным, чтобы предположить, что к числу этих «не согласных друзей» принадлежит Сталин, и не понять, что это, наоборот, Сталин считает нужным руками Жданова публично одернуть «друга» Молотова и напомнить ему (даже ему!) об интересах «хозяина», требующих, прежде всего, сохране-

ния «свободы рук» даже тогда, когда интересы страны, мира, демократии и социализма требуют совершенно иных мер.

Не будем сейчас пояснять еще раз, почему естественной тенденцией внешней политики сталинского единодержавия является тенденция к самоизоляции и сохранению свободы «маневрирования», и не будем гадать, в какой мере играет тут сейчас роль ход столкновений на монгольской границе, вряд ли особенно благоприятный для советской армии, если судить по молчанию советской прессы, и по-сейчас не перестающей превозносить до небес «героев Хасана». Достаточно констатировать несомненный факт: и в Советском Союзе проблемы внешней политики неразрывно связаны с проблемами политики внутренней.

Плачевная история англо-советских переговоров — это новое и внушительное напоминание о том, что только самостоятельная политика демократического социализма способна еще спасти человечество от катастрофы, накликаемой на него фашизмом. Но окажется ли демократический социализм способен к такой политике или и ему суждено стать участником того исторического банкротства, которое на наших глазах переживают господствующие классы упадочного капитализма, с одной стороны, выродившийся в сталинское единодержавие авторитарный большевизм, с другой.

Вот — вопрос вопросов современности, и не может быть в настоящее время более важной задачи, чем работать над его разрешением в положительном смысле...

Р. АБРАМОВИЧ.

Проблемы пролетарской военной политики

I.

Нужно признать откровенно, что все попытки широко развернуть международную дискуссию о тактике пролетариата во время войны до сих пор не увенчались успехом. Только эмигрантские партии и группы проявили в этом отношении большую активность. Что же касается так называемых «легальных» партий, т. е. тех массовых рабочих партий демократических стран, о которых собственно идет речь при определении тактики пролетариата (ибо только они имеют материальную возможность ее проводить в жизнь), то до сих пор ни одна из этих партий не сочла нужным или возможным выступить со сколько-нибудь развернутым изложением своих воззрений на задачи и тактику пролетариата в грядущей войне.

Это на первый взгляд странное явление объясняется, однако, чрезвычайно просто. Тут прежде всего действует то общее равнодушие к «теориям», которое так характерно для массовых партий демократических стран после-военного периода. Господство реформизма и эмпиризма создает атмосферу, неблагоприятную для идеологических исканий и теоретических изысканий. И если ревизионистский реформизм времен Бернштейна, который сам был еще лишь «идеологическим» течением, и во многом оплодотворил теорию марксизма, то практический реформизм нынешнего периода отличается ярко выраженным нежеланием углубляться в принципиальные дискуссии. Но помимо этого тут действует еще один гораздо более сильный фактор: социалистические партии в своем большинстве исходят из того, что войны на самом деле не будет, и что поэтому вырабатывать военные программы бесполезно. Эта уверенность в том, что войну удастся предотвратить, особен-

ные, как английская Лейбор Партия, занимают решительно непримиримую позицию по отношению к гитлеровской агрессии и ведут в своей стране мужественную политику вооруженного отпора тоталитарному блоку. Но эта политика, совершенно определенно связанная с риском войны, представляется им в то же время как наилучшая гарантия против войны. В частности вожди Лейбор Партии глубоко убеждены, — как они впрочем неоднократно заявляли на различных интернациональных заседаниях, — что образование англо-франко-русского тройственного союза фактически сведет на нет военную опасность в Европе. Но если так, то зачем же вырабатывать тактику пролетариата во время войны?

На первый взгляд может показаться, что положение дел во французской социалистической партии опровергает наш общий тезис об индифферентности современного социализма к проблемам военной тактики. Ведь во французской партии как раз по этому вопросу велись, да еще и ведутся, самые ожесточенные дискуссии. Ведь на этом вопросе чуть не произошел раскол партии. Но если присмотреться ближе, то становится ясно, что Франция нисколько не составляет исключения, ибо и во Франции спор идет не о тактике пролетариата во время войны, а исключительно о проблеме предотвращения войны. Не о том спорят сторонники Поль Фора и Блюма, как сочетать задачи военной обороны против гитлеризма с пролетарской борьбой за социализм, а о том, можно ли или нет путем своевременных и далеко идущих экономических и территориальных уступок гитлеровскому империализму обеспечить длительный мир в Европе и предотвратить военную катастрофу? Между тем именно вопросы пер-

вого порядка имеют особенно крупное значение для судеб пролетариата в наступающий период.

Из того несомненного обстоятельства, что массовые пролетарские партии Западной Европы не склонны заниматься теоретическими исследованиями о тактике во время войны, совершенно не следует, что у этих партий нет точных представлений о том, что они практически будут делать, если война разразится, и какова будет их политическая позиция в этом случае. Два момента представляются совершенно предрешенными: во-первых, положительное и самое активное участие этих партий в деле организации военной обороны своей страны и стран союзных; во-вторых, участие в коалиционном правительстве, которое будет руководить национальной обороной во время войны.

II.

Если войны не удастся избежать, — даже в случае заключения соглашения с Советской Россией и образования замкнутого анти-гитлеровского фронта держав, — если тоталитарный блок, несмотря ни на что, попытается проломить фронт демократических стран молниеносной атакой, то не подлежит ни малейшему сомнению, что организованный рабочий класс Европы, не только в своих реформистских и социалистических слоях, но и в коммунистической части, совершенно стихийно и без колебаний станет на почву той эмпирической тактики, которую мы охарактеризовали выше: он воспримет эту войну как свою и «вложится» в нее со всей энергией.

Мы не станем здесь полемизировать по существу с теми небольшими группами социалистов или коммунистов, которые этой тактики не приемлют, которые считают необходимым в отношении к войне держаться той же тактики абсолютного неприятия и принципиального отвержения обеих борющихся коалиций, которую циммервальдисты и интернационалисты проводили в 1914-18 гг. Дискутировать о тактических проблемах имеет смысл только с людьми, с которыми имеется общая принципиальная база. С людьми, которые до сих пор не поняли, что 1939 год не 1914, и что принципы циммервальдизма, и именно они, диктуют социалистическому пролетариату сейчас совершенно иную линию действия, чем в эпоху прошлой мировой войны, с такими людьми бесполезно спорить о том, как практически эту линию проводить с наибольшей пользой для пролетариата. Другое дело те товарищи, которые в основном вопросе, т. е. в вопросе о принятии или неприятии анти-гитлеровской войны, занимают ту же позицию, что и мы.

Имеется немало товарищей, как в нашей собственной среде, так и в среде Интернационала, которые совершенно согласны с тем, что организованный пролетариат не может остаться в стороне от готовящегося боя между силами фашистской коалиции, с одной стороны, и так называемыми демократическими государствами, с другой. Они согласны с тем, что пролетариат должен стать на сторону демократической коалиции в борьбе против коалиции тоталитарных стран. Они, как и мы, делают это не потому, что некритически принимают на веру все демократические добродетели так наз. демократических государств, включая и такие, как Польша, Румыния, Греция и др. И не потому они становятся на сторону Англии, Франции, Голландии, что не замечают капиталистического характера этих стран и их колониальных империй, и не потому они требуют гарантии для балтийских стран (и готовы во имя этих гарантий рисковать войной!), что заблуждаются насчет полуфашистского характера этих стран в настоящий момент. Нет, современный социализм идет на эту войну с открытыми глазами, отлично отдавая себе отчет в

истинном характере своих союзников. Но тактика пролетариата в данную эпоху определяется не его демократическими иллюзиями (хотя имеются и таковые), а в первую очередь его отталкиванием от гитлеровской опасности. Для того, чтобы эту опасность преодолеть, для того, чтобы предотвратить порабощение всего культурного человечества расизмом, фашизмом и империализмом тоталитарных стран, организованный рабочий класс всего мира, следуя принципу наименьшего зла, идет, не колеблясь, с либерально-демократической разновидностью капитализма для того, чтобы не подпасть под железную пяту капитализма тоталитарного.

Можно с этой концепцией не соглашаться. Но кто ее воспринял, как единственно возможный путь спасения, тот не может уже уклониться от всех политических последствий, неумолимо вытекающих из основной предпосылки. А первым из этих последствий является необходимость в той или иной форме участвовать в правительстве, организующем и оборону страны и победу в войне, которую мы приняли как свою.

Циммервальд прошлой войны был логичен и выдержан: отрицая войну, отказываясь признать ее своей, не признавая относительно прогрессивного характера ни за одной из борющихся коалиций, он естественно с негодованием отбрасывал и всякую мысль о сотрудничестве с партиями и силами, эту войну организующими. Стремясь к «миру без победителей и побежденных», Циммервальд естественно не был заинтересован в победе той или иной группы империалистических держав. Перед ним поэтому и не стояла ни задача организации победы, ни вопрос об участии в правительстве на предмет наилучшей организации этой победы. Наоборот: тот, кто говорил о победе или о борьбе до победного конца, был, с точки зрения Циммервальда, изменником делу социализма. А кто отстаивал участие в коалиционном правительстве с буржуазными партиями, т. е. партиями войны, тот тем самым приходил в противоречие с целями и принципами Циммервальда, и становился «социал-патриотом», сторонником «бургфридена».

Совершенно иначе обстоит дело сейчас. Как мы уже указали выше, сейчас пролетариат (и, как показывает опыт Франции, именно в его левой, интернационалистской части, а не в правой, реформистско-националистической) приемлет будущую войну и считает ее своей. Естественно, что он должен будет стремиться к победе в этой войне, т. е. к полному разгрому гитлеровской коалиции. И в ходе этой войны уже не столько капиталистические партии будут проповедывать борьбу до победного конца, сколько партии пролетариата. И каждый раз, когда буржуазные партии будут проявлять слабость или склонность к компромиссному миру с тоталитарными государствами, именно социалистам придется играть роль Клемансо и требовать беспощадного продолжения борьбы. И чем левее и более антифашистски социалисты будут настроены, тем энергичнее они эту политику будут отстаивать. Каким же образом именно интернационалисты (те самые, которые во время прошлой войны были или близились к позициям Циммервальда) могут отклонить от себя задачу организации той победы, к которой они стремятся? Но в свете этого нового по сравнению с прошлой войной положения приходится пересмотреть и вопрос об участии в правительстве обороны вместе с буржуазными партиями.

В эпоху Циммервальда такого рода участие характеризовалось как политика «бургфридена», «священного единения», и вызывало самое суровое осуждение со стороны интернационалистов. Роза Люксембург в своей знаменитой брошюре под псевдонимом «Юниус» с неподражаемой едкостью бичевала эти коалиционные ком-

бинании на обеих сторонах, в которой генеральный штаб поставлял аммуницию военную, а социал-патриоты аммуницию идеологическую для империалистическо-завоевательной войны.

Можно ли понятия и представления той эпохи перенести в современность? Ведь сейчас на стороне анти-гитлеровской коалиции завоевательно - империалистических замыслов нет, и уж во всяком случае их нет ни у одной пролетарской группировки, стоящей на стороне коалиции демократических стран (а ведь на стороне тоталитарных стран, к счастью, вообще нет никаких пролетарско-социалистических групп). Затем, международный социализм, целиком стоящий сейчас в лагере анти-фашистской коалиции и приемлющий войну против Гитлера, как «свою», насколько не стыдится того, что он будет «поставлять идеологическую аммуницию» для обороны против гитлеризма, а, наоборот, счи-

тает это своей главнейшей и почетнейшей пролетарской задачей. Таким образом, то, что в прошлую войну делало бургфриден особенно однозным, сейчас совершенно отпадает. Но с понятием бургфридена было связано еще одно чрезвычайно отрицательное с точки зрения пролетарского социализма явление: бургфриден означал отказ от самостоятельной социалистической политики; он приковывал пролетариат к колеснице капиталистических партий, жертвовал интересами рабочего класса во имя мнимых интересов нации, т. е. фактически буржуазных классов страны. Не повторится ли эта морально-политическая капитуляция и сейчас в случае вступления соц. партий в коалиционные военные кабинеты? Другими словами, опасен-ли сейчас мировому пролетариату блок с буржуазными партиями в ходе анти-гитлеровской войны, если таковая разразится? На эту тему придется написать особо.

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Литературно-революционные портреты

6. Илья Эренбург.

Творческую биографию Эренбурга приходится начинать с одного для писателя горького факта: Эренбурга больше знают в Европе, в эмиграции, чем в Советском Союзе. В советской литературе Эренбург — величина небольшая и переменная. Здесь он живет на правах жильца гостиницы, о котором известно, что при всей своей подвижной и безалаберной жизни, он оставил комнату за собой и жилец он постоянный.

Этот факт имеет свои основания. Эренбург выходит из той буржуазии, дети которой потянулись к революции 1905 года; когда побежденную революцию сменила реакция, очень многие из них, в том числе и Эренбург, ушли в себя, в искательство, в религию, в эстетизм. А когда грянула новая революция 1917 года, они оказались в положении евангельских жен, слишком рано израсходовавших масло в светильниках. С гимназической скамьи Эренбург «удрал в революцию», вскоре был арестован и выпущен под залог. В 1909 году он уехал за границу, где и пробыл до 1917 года, пиша стихи, корреспондируя в «Биржовке». В Россию он вернулся в дни июльского выступления большевиков. 4 года провел писатель в России, побывав в разных частях эмиграции у него родилась «вторая, заграничная душа» в Москве, но здесь задержался недолго: за годы эмиграции у него родилась «вторая, заграничная душа» и его потянуло назад в Европу.

С тех пор, т. е. 1921 года, Эренбург живет в Западной Европе, преимущественно в Париже в ставшей, по видимому, бессрочной «художественной командировке». В последние годы по поручению Союза советских писателей или, вернее, советского правительства, он выступает в качестве его официального представителя.

Эренбург начал как поэт. Темы его первых опытов — одиночество человека в большом городе, и есть в них что-то от шуршания осенних листьев на бульварах: они жалобно-звонки, легки легкостью отрешенности. Дольше других среди мимолетных тем останавливает его тема о России. Поэт чувствует себя виноватым перед ней за то, что убежал от нее, не мог жить ее «святыней».

Революция 1917 года была тем толчком, который разбудил в Эренбурге потребность вернуться домой. Здесь

он скоро оказался в лагере той интеллигенции, которая, как он говорит в своей автобиографии, «не узнала Октября». Октябрьскую революцию Эренбург встретил «Молитвой о России»:

«О нашей великой стране миром Господу помолимся».

Вместе со старой Россией Эренбург оплакивал «погасшие лампы, замолкшие колокола, запустение ныне наставшее». Стихотворение это позже пришлось по вкусу воинствующей реакции и оно было в 1919 году переиздано в Киеве «Освагом».

Отрицательное, а порою враждебное отношение к Октябрьской революции отнюдь не личная особенность Эренбурга. Она была характерна для почти всего старшего поколения русской интеллигенции. Знаменательно в Эренбурге не это отталкивание от Октября, а то, что он раньше других братьев по классу почувствовал в октябре его национальную сущность. Уже в 1920 году, живя в Крыму, Эренбург с презрением отталкивается от тех, кто «родильный бред» России принимает за ее смерть. Еще определеннее мысль о том, что в облике Октября происходит национальная революция, нашла свое выражение в стихотворении, которое писатель вкладывает в уста своего любимого героя и альтер-эго Хулио Хуренито: «Нет, в России не бунт, нет, в России не смерть. Ее знамена державный порфир и она закладывает, тысячерукая, новый мир».

«Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1922) интересны тем, что здесь впервые писатель подвел итог своим впечатлениям о революции. Роман едва-ли случайно начинается за столиком Парижского кафэ, где происходит знакомство таинственного Хулио Хуренито с автором. По мысли писателя Хулио — разновидность Мефистофеля, в действительности он продукт международной богемы, населяющей все столицы мира. Демоническое происхождение Хулио снижено, впрочем, и тем, что он оказывается сыном мексиканского сахарозаводчика (а Эренбург — внук Киевского сахарозаводчика). Сам Эренбург в романе — один из 7 учеников Хулио, пришедшего в мир, чтобы его разрушить его же собственными силами. Хулио — «Учитель», не обладающий «даже жалкой рентой обыкновенного обывателя»: он «человек без убеждений». Скрытый парадокс книги в том, что «Учитель», бравируя отсутствием убеждений, в действительности страстно любит будущее свободного человечества, а Эренбург, восторженно внимающий Хулио, ни во

что не верит, ничего не любит, шеголяет своим ренегатством.

Влюбленный в идею разрушения старого мира, Хулио приветствует мировую войну, «как первый день тифозной горячки, от которой человек либо переродится, либо умрет». По этим же мотивам приветствует он и русскую революцию. Мысли о революции и составляют, пожалуй, наиболее ценную часть книги. За шелухой анекдотов и нелепостей революционной улицы, до которых вообще падох Эренбург, в книге скрыты действительно серьезные оценки и прогнозы. Хуренито-Эренбург убежден в том, что с началом революции наступает не эпоха «парадов», а время «самого черного потогонного чистилища»: Попад в чеку, Хуренито поучает чекистов: «Велика и сложна ваша миссия — приучить человека настолько к колодкам, чтобы они казались ему нежными объятиями матери... Нужно создать новый пафос для нового рабства». При всем том ни Хуренито, ни его автор не испытывают желания быть активными участниками революции. Хуренито носится с мыслью о самоубийстве, а его «ученик» и создатель в 1921 году уезжает из Москвы в Париж, чтобы вплотную засесть за работу.

Из этого основного подхода к Октябрю, как революции национальной, к которой Эренбург внутренне остался холоден, а также вследствие присущего писателю острого ощущения своей «деклассированности» и родилась та неожиданная «левизна» Эренбурга во время нэпа, которой отмечены все его произведения этого периода. Деклассированность самого писателя ищет и находит свое воплощение в одной особенности: «герои» Эренбурга — люди в большинстве своем деклассированные. Чекист Николай Курбов («Жизнь и гибель Николая Курбова») — сын «святой» проститутки и купца, Михаил Лыков («Рвач») — сын лакея ресторана и т. д. Прототипы этих персонажей, конечно, имелись в жизни; с детства уязвленные своим социальным «горбом», такие люди могли искренно уйти в революцию. Но перегруженность произведений Эренбурга такими людьми придает его романам нездоровый, лихорадочный румянец, воспринимается как аффектированность, делает читателя настороженным. Неубедителен Николай Курбов, интересный лишь как первая попытка в советской литературе дать образ «святого чекиста» — проблема решавшаяся в литературе в эпоху владычества Ягоды. Художественно более мотивирован Михаил Лыков, которому автор не пожалел передать кое-какие черты и наблюдения своей собственной детской биографии. Сумбурный, впечатлительный, влюбленный в успех, эгоистичный, Михаил Лыков, несмотря на все свои пороки, до конца внутренне занимает Эренбурга и он не стесняется признаться читателям: «Мы любим нашего героя... Пусть за это судят и нас». Точно также неравнодушен Эренбург и к Ольге, жене Михаила. Если в Михаиле воплощены многие узловые впечатления немножко беспризорного детства писателя, то в Ольге сосредоточены интересные подробности его ранней молодости. Ольга — дочь спичечного фабриканта. Революция не только лишила ее богатства, она, перетасовав много судеб, бросила Ольгу в суровую «капустную атмосферу столовки», избавила ее от необходимости дальнейших метаний: «эстетизм, урбанизм, католичество, нищенство, Монпарнас, Сицилия, Полесские болота, все это уже было проделано ею». После католичества и кубизма черед пришел для революции: «Сочувствие революции стало ее очередным привалом».

Значительнее центральных фигур романа его фон. Вечный жилец гостиницы, Эренбург умеет наблюдать! Его зарисовки остры, капризны, подернуты дымкой напускной иронической меланхолии. Так на-

писаны все отступления в «Рваче», прославляющие суровую голодную пору военного коммунизма, когда все жили и дышали «катастрофически», когда граждане то запряженные в салазки, «мчались за получением по карточкам «Красной Звезды» азербайджанского изюма», то попадали в чеку за спекуляцию или родство с левым эсером и в чеке обвинители и обвиняемые равно именовались «товарищами», то бурно, несурово и жадно учились всем наукам сразу...

Правда, в «Бурной жизни Лазика Ройтшванца» Эренбург из окна той-же своей гостиницы взглянул на «великолепную несуровицу» другими глазами, глазами маленького портного из Гомеля и сумел увидеть в советской действительности и апломб власти и потрясающее бесправие человеческой личности. Лазик — еврейский Швейк. И он знает, что «когда гуляет по улицам стопроцентная история, обыкновенному человеку не остается ничего другого, как только умирать с полным восторгом в глазах».

Лазик пробует протестовать против такого «китайского дважды два», но результатом его робких попыток являются одни неудачи и тюрьмы. Не умея «сделать из своего сердца грохочущий реферат», кочует Лазик из города в город, из тюрьмы в тюрьму, из страны в страну в поисках маленькой, но вечной правды — права человека на счастье и убеждается в том, что счастье «только отсталое слово могучего языка».

Романы, посвященные отображению нэпа и, в частности, «Проточный переулочек» оправдывают пессимизм Лазика. Революция кончилась, верх берет не новое, что в ней было, а старое, жестокое право сильного, право бывшего купца Панкратова, твердо знающего, что милиционер на углу Проточного переулка охраняет теперь не «мировую социальную» — дудки! — он стережет «десять пачек червонцев», которые скопил Панкратов от мелочной торговли на Смоленском рынке. В этой, после революции утверждающейся жизни нет ничего из того, о чем мечтала Ольга («Рвач»). Сама молодая страна уподобляется в этом романе кучке беспризорных: «И сдается мне, идет это наша Россия, такая же ребячливая и беспризорная, мечтательная и ожесточенная, без угла, без ласки, без попечения, страна дитя, уже все испытывавшая, идет... по горячей пустой дороге... И сердце здесь останавливается, сил нет спросить: дойдет-ли она?»

Представление об Октябре, как национальной революции, получило, под впечатлением нэпа, глубокую трещину. Видя, как на обломках революционных утопий торжествует «старое», Эренбург начал искренно тосковать о «нелепице» революции. Официальная критика обошлась с ним за это очень сурово: она плохо мирилась с покровительственной нежностью Эренбурга «военному коммунизму», но еще меньше могла она ему простить разоблачения нэпа. Эренбург был объявлен... «новобуржуазным» писателем и как многие писатели того времени, утомленный вечными наскоками, он стал отходить от тем современности к историческому роману. Так возник его «Заговор равных», посвященный Гракху Бабефу.

Неизвестно в каком направлении стало бы в дальнейшем формироваться политическое и художественное лицо Эренбурга. Искреннее сочувствие Бабефу могло привести его в лагерь настоящих революционных писателей. От этого «уберег» Эренбурга начавшийся в Европе мировой экономический кризис, совпавший в Союзе со строительством первой пятилетки. Молодая страна оказалась вне сферы влияния смертоносного кризиса — осознание этого факта произвело в душе Эренбурга настоящую революцию. Эренбург попадает в фарватер лево-настроенной европейской интеллигенции, левизна которой, увы, исчерпывается радикализ-

мом в отношении к «гибнущей Европе» и славословием по адресу Советского Союза.

Внутренняя механика нового, безоговорочного притяжения Эренбургом Советского Союза нашла свое воплощение в романах «День второй» и «Не переводя дыхания». Она несложна эта механика: в то время как капиталистический мир бьется в тисках безисходного кризиса, на одной шестой земного шара происходит гигантское строительство, возникают заводы-гиганты, а вокруг них, «как некогда вокруг чтимых народом соборов», вырастают новые города.

Эренбурга нельзя упрекнуть в том, что он не видит трудностей строительства Кузнецка, которому и посвящен роман «День второй», но они внутренне не интересуют писателя. Два героя его Колька Ржанов и Володя Сафонов ведут разговор о смысле строительства. Сафонов — старый любимец Эренбурга, за видимым скептицизмом которого прячется страстное желание найти прочную веру. Володю Сафонов раздражает принудительный конформизм жизни, условная лживость суровой патетики: «Конечно, Кузнецкий завод — чудо техники и прочее, прочее. Но строят его так, как строили пирамиды. Нагнали мужиков и успокоились: мужичок вывезет. Имеются экскаваторы, деррики, грейферы. Но землю они таскают на себе. Месят ногами. С одной стороны Моргановский кран, с другой — даже не Петр, но до-Петровская Русь. А могло быть все иначе, за границей не так строят, да и живут там иначе». На это Колька Ржанов — стопроцентно-положительный герой — отвечает Володе: «Конечно, могло бы быть все иначе. Только нас бы тогда не было. То-есть сидели бы здесь господа из какого-нибудь «Копикуза», а мы бы на них работали. Помоему, лучше землю таскать. Теперь по крайней мере мы знаем, что это для нас». Эренбург предусмотрительно не расшифровывает это таинственное местоимение «на с». А в расшифровке его лежит ключ к пониманию эпохи «пятилетки». Для Эренбурга Колька Ржанов, за свои рекорды командиремый в высшее учебное заведение, откуда он вернется инженером, — остается пролетарием, представителем рабочего класса. Впрочем Эренбург знает о классовой природе нового общества

больше, чем показывает. Иначе он мог бы развернуть образ Сафонова, а не заставлять его кончать самоубийством, за которым стоит автор, не знающий куда деться от всех проклятых вопросов, омрачающих оптимистический тон романа. В самом деле, что возразить Сафонову, когда он говорит: «Одни молчат, потому что вы их запугали, другие потому, что вы их купили. Простые истины требуют самоутверждения. Как во времена Галилея их можно произносить только на костре?»..

Еще менее убедительна в этом же плане одна из последних вещей Эренбурга — «Не переводя дыхания». Действие происходит в эпоху, когда Сталин дал парол о бережном отношении к человеку. Поэтому Эренбург с большим вниманием относится к индивидуалистическому «вывиху» Геньки. В романе несколько сюжетных линий, у всех его молодых «героев» конфликты, но все они, конечно, благополучно с ними справляются. Но читатель не верит писателю и остается холодным. Секрет этого читательского холода в том, что самые интимные мысли Эренбурга вложены в уста «обломка прежних классов» — иностранного коммивояжера Штрема. Штрем отлично говорит по-русски и часто бывал в России, но он не любит России, «ему не уютно в этой большой, беспокойной и ветряной стране». «Я ненавижу эту страну, — записывает он во время бессонницы — за то, что здесь никто не думает о смерти. Сплошной детский сад. Рождают детей, строят заводы и довольны». Сам Штрем возвращается в Европу, где кончает самоубийством в маленьком Парижском отеле... Формально Штрем не несет почти никакой «нагрузки» в романе, он только «гид» и на поверхностный взгляд должен только еще больше оттенить оптимизм молодой страны. Но что-то в тоне усталых высказываний Штрема выдает больше, чем хотел сказать автор. Эмоционально Штрем значительнее и оттого, что он искренен, тогда как «герои» — надуманы и ходульны. И не верит читатель, что они так легко преодолевают душевные раны, порожденные нездоровыми, антидемократическими принципами нового общества. «Не переводя дыхания» живут не герои, а хотел бы жить сам автор, едва поспевающий за своими героями, с невеселыми и усталыми думами Штрема в душе.

С. ШВАРЦ.

„Русский вопрос“ на международном конгрессе профсоюзов

На состоявшемся с 5 по 8-ое июля в Цюрихе 8-ом очередном конгрессе Международной Федерации Профессиональных Союзов (МФПС) вопрос о русских профсоюзах фактически оказался центральным вопросом и конгресс посвятил ему добрую половину своего времени. Ниже мы печатаем отчет о прениях на конгрессе*), настолько подробный, насколько это позволяют рамки нашего журнала. Но чтобы читатель мог лучше ориентироваться в этих прениях, необходимо напомнить в основных чертах о взаимоотношениях русских профсоюзов и МФПС в течение трех лет, отделяющих Цюрихский конгресс от 7-го конгресса МФПС, состоявшегося в Лондоне в июле 1936 года.

Прочной традицией МФПС в отношении русских профсоюзов, еще начиная с учредительного конгресса МФПС в Амстердаме в 1919 году, была «политика открытых дверей»: русским профсоюзам предлагалось

вступить в МФПС на общих для союзов всех стран основаниях, т. е. «на основе устава и постановлений конгрессов МФПС». Эта политика вновь получила свое подтверждение в Лондоне и конгресс постановил (единогласно) «в интересах осуществления единства профессионального движения всего мира вступить в переговоры с профсоюзными центрами Соединенных Штатов Америки, Австралии, Новой Зеландии, Дальнего Востока, Советского Союза и со всеми другими, не входящими еще в МФПС профсоюзными национальными центрами».

Переговоры с союзами ряда стран имели успех. Через год после Лондонского конгресса к МФПС присоединилась Американская Федерация Труда и вслед за нею союзы Новой Зеландии и Китая. Успешно подвигаются переговоры с некоторыми странами Латинской Америки. Но все попытки МФПС осуществить Лондонское постановление в отношении русских профсоюзов наталкивались на препятствия.

В печатном отчете о деятельности МФПС, представленном Цюрихскому конгрессу, мы читаем;

*) В рамках этой статьи мы касаемся лишь прений на конгрессе по «русскому вопросу». Отчет о конгрессе в целом будет напечатан в следующем номере нашего журнала.

«После того как вопрос о порядке проведения в жизнь Лондонского решения был обсужден в правлении (МФПС), секретариат письмом от 29-го октября 1936 года обратился в ВЦСПС и, ссылаясь на резолюцию о профсоюзном единстве и приводя текст этой резолюции, запросил ВЦСПС, как смотрят русские профсоюзы на вопрос о возможном присоединении их к МФПС... В письме генерального секретаря высказывалась надежда, что русские профсоюзы откликнутся на выраженное Лондонским конгрессом пожелание об объединении союзов всех стран в МФПС.

24-го ноября 1936 г. тов. Жуо сообщил секретариату, что русские профсоюзы, повидимому, не получили письма МФПС... Копия письма от 29-го октября была после этого вручена тов. Жуо... и хотя друзья русских профсоюзов, обратившиеся к тов. Жуо по поводу неполучения адресатом письма МФПС от 29-го октября, имели после 24-го ноября в своем распоряжении копию этого письма, русские профсоюзы все еще продолжали оспаривать, будто секретариат МФПС сделал попытку вступить с ними в сношения».

В «Труде» от 1-го января 1937 года в чрезвычайно резкой редакционной статье «К вопросу о единстве международного профдвижения», перепечатанной затем в ряде европейских коммунистических газет, против секретариата МФПС по поводу опубликованного им сообщения о тщетных попытках вступить в сношения с ВЦСПС было даже выдвинуто прямое обвинение в «заведомой лжи». Коммунистическая печать до самого последнего времени пыталась поддерживать версию, будто МФПС в течение года после Лондонского конгресса не делала никаких попыток вступить в сношения с ВЦСПС, и только на Цюрихском конгрессе коммунистический оратор Ракамон вынужден был сдать эту позицию и попытаться выдвинуть не лишённые комизма аргументы в оправдание тактики отмамливания, применявшейся ВЦСПС (см. ниже).

Чтобы положить конец этой странной игре, секретариат МФПС в конце января 1937 года вновь и на этот раз заказным письмом переслал ВЦСПС копию своего обращения к нему от 29-го октября. Но и на этот раз от ВЦСПС не последовало никакого ответа.

В июле 1937 года в Варшаве собрался Генеральный Совет МФПС, на котором было постановлено сделать еще одну попытку вступить в прямые сношения с ВЦСПС. На этот раз ВЦСПС не решился продолжать игру в прятки, и в ноябре 1937 года состоялась в Москве встреча представителей МФПС и ВЦСПС. На этой конференции советские союзы выдвинули ряд условий, в случае принятия которых Международной Федерацией советские союзы готовы были бы вступить в Интернационал. Условия эти, ставшие советские профсоюзы в особое, привилегированное положение в Международной Федерации, не имеют прецедента в истории международного рабочего движения. Каким образом представителям ВЦСПС удалось убедить в Москве товарища председателя МФПС Жуо, генерального секретаря Схевенелса и секретаря Штольца выразить готовность «поддержать» некоторые из этих условий перед правлением МФПС, остается психологической загадкой. Правление и Генеральный Совет условия эти отклонили, но Генеральный Совет пошел даже дальше и на своем заседании в Осло в мае 1938 года постановил «не продолжать» переговоров с советскими профсоюзами.

Что означало это «не продолжать»? Разрыв с традиционной «политикой открытых дверей» в отношении русских профсоюзов? Или лишь отказ от продолжения данных переговоров, признание, что поручение, данное Лондонским съездом правлению МФПС, выполнено (хотя и не достигло цели)? В первые месяцы после Осло и в профсоюзных кругах, и в широком общественном мнении постановление Генерального Совета толковалось обычно в первом смысле, т. е. как разрыв с тра-

дицией, как признание, что русские профсоюзы вообще не могут быть приняты в МФПС впредь до коренного изменения всей политической обстановки в Советском Союзе. Постановление Генерального Совета в этом его толковании вызвало горячие споры в европейском рабочем движении, и читатели нашего журнала, может быть, помнят, что и у нас в период от ноябрьской конференции 1937 г. до после Осло велись горячие споры по вопросу о политике МФПС в отношении русских профсоюзов, причем т. Ф. Дан («К единству профдвижения» в № 4 за 1938 г.) и я («На пути в Амстердам» в № 23/24 за 1937 г. и «И все же за единство!» в № 11 за 1938 г.) защищали традиционную политику МФПС, а тт. Р. Абрамович («Русские профсоюзы и профсоюзный Интернационал» в № 1/2 за 1938 г.) и М. Кефали («Еще о профсоюзном единстве» в № 3 и «Победа здравого смысла» в № 11 за 1938 г.) высказывались за полную невозможность для МФПС принять в свои ряды советские союзы вплоть до коренного изменения их природы.

Обсуждение вопросов международного профессионального движения в течение всего года стояло под знаком «Осло». И, кажется, одна только профсоюзная пресса Советского Союза проявила к этому вопросу полное отсутствие интереса. «Труд» не только не посвятил принятому в Осло решению ни одной статьи, но и вообще за год с лишним, отделяющий заседание Генерального Совета в Осло от Цюрихского конгресса, напечатал всего лишь одну статью, посвященную вопросу о международном единстве профессионального движения, статью немецкого коммуниста В. Флорина «Борьба за международное единство профсоюзов» («Труд» от 14-го июня 1938 г.), выдержанную в традиционных тонах махрового профинтерновского клевветничества. В международной профсоюзной политике ВЦСПС все отчетливее сказывается в последние годы стремление к самоизоляции от европейского движения. Эта изоляционистская тенденция, нашедшая после Лондонского конгресса такое смешное выражение в попытках отомолчаться от переписки с МФПС, в последнее время становится господствующей во всей международной политике советских профсоюзов. В рамках настоящей статьи я могу коснуться этой темы лишь мимоходом. Отмечу лишь, что советские профсоюзы вот уж второй год под ряд уклоняются от посылки своих делегатов на Международную Конференцию Труда в Женеву и что советская профсоюзная печать (как и советская печать вообще) не послала ни одного корреспондента на Цюрихский конгресс, как и вообще конгресс этот, судя по дошедшим до нас газетам (по 9-ое июля включительно), совершенно замолчан в советской печати.

Но пора перейти к прениям на конгрессе.

Вопрос об отношении к русским профсоюзам должен был обсуждаться на конгрессе в рамках прений по отчету о деятельности МФПС за истекшие со времени Лондонского конгресса три года. Отчет этот был представлен конгрессу в печатном виде (том почти в 400 страниц) и касался всех сторон деятельности МФПС. По предложению президиума конгресса, встретившему всеобщее одобрение, вопрос об отношении к русским профсоюзам был однако выделен, и конгресс сначала обсудил (и одобрил) отчет о деятельности МФПС, кроме главы, посвященной взаимоотношениям МФПС и ВЦСПС, чтобы затем специально заняться «русским вопросом».

Прения по этому вопросу начались краткой речью генерального секретаря МФПС Схевенелса, подчеркивавшего, что, не касаясь по существу вопроса, подробно изложенного в печатном отчете, он ответит лишь на протест, поступивший

от Мексиканской Федерации Профсоюзов, оспаривающей правомерность принятого Генеральным Советом МФПС в Осло постановления: на конгрессе в Лондоне было постановлено вести переговоры с профсоюзами ряда стран, не входящими в МФПС, — в частности с советскими профсоюзами, — о вступлении их в Интернационал, и Генеральный Совет не имел права отменять это решение, так как решения конгресса могут отменяться лишь конгрессом же. Схевенелсу не стоило труда доказать, что правление МФПС выполнило постановление Лондонского конгресса и что решение о прекращении начатых после Лондона переговоров формально не противоречит Лондонскому решению. Конгресс может, конечно, обсуждая вопрос **по существу**, подтвердить или отменить принятое в Осло решение, что оно не может быть оспорено с **формальной** стороны. При этом Схевенелс сообщил, — это до сих пор не было известно, — что на конференции представителей МФПС и ВЦСПС в ноябре 1937 г. в Москве было договорено, что в секретариате ВЦСПС будет составлен стенографический отчет о конференции и что отчет этот будет прислан в секретариат МФПС, «но мы до сих пор ждем этого первого признака готовности поддерживать с нами отношения». В этих условиях Генеральный Совет тем более имел право принять решение о прекращении дальнейших переговоров. — Несколько нарушая хронологический порядок изложения, отмечу тут же, что после обсуждения вопроса в комиссии мексиканцы взяли свой протест обратно.

Открывшиеся после речи Схевенелса прения по существу вопроса велись вокруг двух предложений, внесенных на конгрессе одно английскими, другое норвежскими профсоюзами. Согласно английскому предложению, конгресс должен был поручить правлению МФПС **«вновь пригласить»** русские профсоюзы войти в Международную Федерацию Профсоюзов **на основе ее устава и постановлений ее конгрессов**. Норвежское предложение, не говоря прямо о «новом приглашении», подчеркивало «важность» присоединения к МФПС «русских и других не входящих в Интернационал союзов», опять-таки **«на основе устава и программы действий МФПС»**, и отмечало «готовность» норвежских профсоюзов содействовать благоприятному разрешению этого вопроса. Впоследствии норвежцы свое предложение сняли в пользу английского предложения.

Защищая английское предложение, Хикс аргументировал прежде всего серьезностью международного положения, требующего новых усилий для осуществления единства рабочего движения. «Нужно искать. И русские должны искать. Они долго не отвечали на наши предложения и, когда в Москве состоялась, наконец, конференция, они поставили условия, которые для нас неприемлемы. Но в английском рабочем движении является общим местом мнение, что поиски путей к соглашению с русскими союзами и осуществление единства на основе устава и постановлений МФПС сейчас более необходимы, чем когда бы то ни было».

Хиндаль (Норвегия) солидаризировался с английским оратором, подчеркнув в свою очередь необходимость сохранять верность принципам, на почве которых сложилась и развивается МФПС и которые нашли свое выражение в ее уставе и постановлениях ее конгрессов. Противники соглашения с русскими указывают, что деятельность коммунистов часто противоречит этим принципам. Это верно. Но «возможно, что вступление русских профсоюзов в МФПС облегчит в этом отношении положение, облегчит и русским понимание того, что происходит в Европе, и приведет к улучшению и положения в самой России». Вопрос осложняется тем, что «взаимоотношения между профсоюзами и государством в Советском Союзе иные, чем у нас; но и у нас вопрос этот оказывается сейчас гораздо сложнее, чем это было раньше», и в этом вопросе необходимо проявить известную гибкость. Особенно необходимо сотрудничество с русскими в интересах обеспечения мира.

Резким диссонансом прозвучала на конгрессе речь следующего оратора, французского делегата **Ракамона**.

Это была попытка полу-скрытой оппозиции английскому предложению, но оппозиция не «справа», а «слева», если пользоваться этими условными и за последние годы в сущности утратившими свой первоначальный смысл терминами. Лидер бывшей так называемой «Унитарной» Конфедерации Труда, со времени объединения французских профсоюзов один из секретарей СЖТ, Ракамон резко выступил против правления МФПС, которое в своем обращении к русским профсоюзам после Лондонского конгресса запросило ВЦСПС о его готовности присоединиться к Интернационалу **на основе устава и постановлений МФПС**. Это обращение находилось «в вопиющем противоречии с решениями Лондонского конгресса», на котором поручение правлению МФПС выступить в переговоры с союзами, не входящими в Интернационал, не было ничем обусловлено. Это нарушение правлением МФПС Лондонского постановления и дало русским союзам законное основание не отвечать на предложение МФПС (!). Когда же после заседания Генерального Совета в Варшаве правление МФПС обратилось к ВЦСПС с письмом, в котором ограничивалось точной передачей Лондонского постановления, переговоры вскоре начались и привели к Московской конференции. Ракамон одобряет выдвинутые русскими союзами на Московской конференции условия и считал бы правильным (хотя и не предложил этого формально) принятие не английского или норвежского предложения, а постановление о попытке русским профсоюзам — без всяких оговорок — приглашения присоединиться к МФПС. Если бы конгресс высказался в этом смысле, он верно выразил бы волю рабочих масс. И если делегаты, напр., Швеции или Дании выступают против политики международного единства профдвижения, они игнорируют при этом массовые протесты, идущие из рядов профессионального движения их стран.

Американский делегат **Уотт** решительно выступил против принятия русских профсоюзов в МФПС. Русские союзы не более свободны, чем союзы в фашистских странах, и присоединение их к Интернационалу внесло бы в наши ряды элемент разложения. Если бы они были приняты, Американская Федерация Труда должна была бы обсудить вопрос о своем немедленном выходе из МФПС.

Нас упрекают, что мы против единства профдвижения. Но разве принятие в МФПС русских союзов это путь к единству? И разве русские союзы заявили хоть раз о своем желании войти в МФПС? Система, где мнение правительства навязывается всем, чужда свободы, а свобода это жизнь профессионального движения. Не нужно искать единства там, где единство невозможно.

Вильясенор (Мексика): Мексиканская Делегация голосовала в Осло с меньшинством. Неприемлимость русских условий не должна была служить основанием для разрыва переговоров. Мексиканские профсоюзы солидаризуются с английской аргументацией. Мировой катастрофы можно избежать только установлением единства рабочего класса. Против русских профсоюзов выдвигаются старые давно опровергнутые упреки. В социалистическом государстве пред союзами стоят совсем иные задачи, чем в капиталистических странах. И Лондонское постановление было принято единогласно, хотя и тогда хорошо было известно, каково отношение русских профсоюзов к государству. С тех пор принципиально ничто не изменилось, и Американская Федерация Труда присоединилась к МФПС уже после Лондона и зная о Лондонском постановлении. Поэтому сегодняшнее заявление Американской Федерации нелогично, и я прошу американских товарищей пересмотреть их решение. Мы в Мексике идем, может быть, к социальным столкновениям громадного значения и с тем большей остротой ощущаем необходимость единства рабочего класса всего мира.

С наибольшей полнотой развил тонку зрения противников принятия русских профсоюзов в Интернационал голландский делегат **Деллабелла**: Нам неясно, как может состояться принятие русских профсоюзов в МФПС после решений Стокгольмского и Лондонского конгрессов о свободе и независи-

мости профессионального движения. Мы против их принятия по следующим мотивам: 1) если мы примем их, наша борьба против диктатур утратит свой принципиальный характер; 2) мы дадим нашим врагам возможность выдвигать против нас обвинение, что мы являемся орудием советского правительства; 3) создадутся трения и противоречия внутри МФПС, как многие из нас знают это из опыта в своих странах; **единство** формально усилится, но **сплоченность** будет ослаблена, но единство без сплоченности это ничто; 4) мы поможем фашистскому движению в нашей стране; 5) мы облегчим задачу коммунистов в их стремлении к «сотрудничеству» с нами, характер которого всем нам хорошо известен; 6) русские союзы ни в малейшей степени не могут сохранить независимость по отношению к своему правительству.

Мы не можем ставить свою политику в зависимость от политики наших правительств. И тот факт, что сейчас ведутся переговоры с советским правительством, которые, может быть, приведут к соглашению СССР с демократическими странами, не может изменить нашего отношения к русским профсоюзам. Ведь мыслимо, что при определенных условиях будет достигнуто соглашение между правительствами демократических и фашистских стран, и мы сами считали бы такое соглашение желательным, но оно никак не является для нас основанием для принятия в Интернационал фашистских профсоюзов.

Мы просим английскую и норвежскую делегации, считаясь с фактом значительной оппозиции их предложениям, снять эти предложения, тем более, что против них выступают организации, являющиеся старейшими и вернейшими членами МФПС. Если эти предложения сняты не будут, мы будем просить съезд во имя свободы и единства, т. е. сплоченности подтвердить решение, принятое в Осло.

Линдберг (Швеция) поддерживает аргументы Деллабеллы. Принятие русских профсоюзов в Интернационал затруднит нашу борьбу за демократию. Говорят, оно откроет для нас возможность сближения с русскими рабочими массами. Мы за такое сближение, но мы не видим в допущении русских союзов в МФПС пути к сближению с русским рабочим классом. Нельзя обосновывать принятие русских союзов в Интернационал и аргументом о франко-англо-советских переговорах. Пред союзами стоят не столько политические задачи, сколько задачи консолидации экономической борьбы рабочего класса.

Ракамон говорил о волне протестов против нашей политики, исходящих от местных профсоюзных организаций. Такие протесты были, но всего протестовали девять местных профорганизаций, между тем таких организаций у нас тысячи. И подавляющее большинство этих организаций в полной мере одобряет нашу мысль, что принятие русских союзов в МФПС создает громадные трудности для развития профессионального движения в нашей стране.

Жуо (Франция), молчаливо поправляя Ракамона, прежде всего подчеркнул, что он говорит от имени **всей** СЖТ, которая твердо стоит на почве **независимости** профессионального движения от всех партий и всех правительств. Но мы в то же время признаем широкую автономию всех входящих в МФПС национальных федераций профсоюзов и должны и эту гарантию применять ко всем. Положение сейчас исключительно серьезное. Мы стоим на перекрестке истории. Вопрос о сохранении мира и свободы встает во всей остроте и международное единство могло бы явиться гарантией мира. Аргумент Деллабеллы об искусственном усилении авторитета коммунистов под влиянием вступления русских профсоюзов в Интернационал серьезен, но надо помнить, что братоубийственная борьба в рабочих рядах уже привела на путь изгнания тысячи и тысячи борцов за дело рабочего класса. Нужно **сделать жест**, который позволит возобновить братские отношения, в значительной мере устранив предубеждение с той и с другой стороны, позволит узнать правду тем, кто ее не знает, понять действительный смысл международных проблем, значение международного сотрудничества в условиях

независимости тех и других, позволит восстановить взаимное доверие, без которого социализм не может идти вперед.

Чего требуют английское и норвежское предложения? Переговоров с русскими союзами в целях вступления их в МФПС с **равными правами и равными обязанностями**. Мы с этим согласны и это в полной мере отвечает постановлениям нашего Тулузского конгресса 1936 года, на котором мы восстановили единство французского профессионального движения и высказались за международное единство в рамках МФПС и с исключением из переговоров Профинтерна. Для осуществления этого единства необходимо ввести русские союзы в Интернационал, так как **русские союзы вне Интернационала это источник слабости МФПС**.

Я хотел бы также предостеречь конгресс против того, что может случиться, если мы отклоним мысль о переговорах с русскими профсоюзами. Происходящие сейчас англо-франко-советские переговоры сами по себе не ангажируют профсоюзы. Но если сегодня будет постановлено отказаться от переговоров с русскими профсоюзами, а завтра встанет потребность в переговорах между тремя заинтересованными национальными федерациями профсоюзов о проведении общей акции, переговоры эти будут происходить вне рамок нашего Интернационала. Трудности такого рода мы уже пережили в 1920 и 1921 годах.

Вебер (Швейцария): Швейцария небольшая страна, на три четверти окруженная фашистскими странами, и для нас защита демократических принципов это вопрос жизни и смерти. Мы разделяем аргументы американских и голландских товарищей и не видим связи между франко-англо-советскими переговорами и вопросом о вступлении русских союзов в Интернационал. Если бы мы приняли в МФПС русские союзы, это привело бы не к усилению, а к ослаблению нашего движения и тем самым к ослаблению демократического фронта. Демократы могут с успехом защищать только убежденные демократы, и конгресс швейцарских профсоюзов 270 голосами против 2 постановил поддерживать сношения только с такими организациями, которые твердо стоят на почве демократических принципов. Политические и коммунальные выборы в Швейцарии всюду приводят в последнее время к изгнанию фашистов из представительных учреждений. Для успеха этой борьбы мы должны быть непримиримы по отношению ко всем сторонникам диктатуры.

Мы за единство, но за единство на почве общих нам принципов. Без внутренней сплоченности единство — фантом.

Мертенс (Бельгия): Руководители русских профсоюзов ищут не сотрудничества с нами, а господства в нашем движении. Осло создало ясность. Что случилось после Осло, что могло бы оправдать изменение нашего решения? Если бы русские союзы хотели войти в Интернационал, они бы заявили после Осло о своем желании принять устав МФПС. Между тем только на днях, в самый день открытия нашего конгресса бельгийская коммунистическая газета писала, что в сущности переговоры между нами и русскими союзами не нужны, так как основой возможного соглашения о вступлении русских профсоюзов в МФПС являются условия, формулированные на Московской конференции в ноябре 1937 года. Единство и вступление русских профсоюзов в Интернационал это разные вещи. И разве способность наша к отпору фашизму усилится с вступлением русских союзов в МФПС? Разве это вытекает из собственного опыта наших английских товарищей?

И как мы будем совместно с русскими бороться с фашизмом, если СССР будет развивать свои экономические сношения с Германией и Италией? Достаточно вспомнить недавнюю речь Молотова и русско-итальянский торговый договор. Я не упрекаю советское правительство за такого рода соглашение, но при взаимоотношениях русских союзов и их правительства они бессильны бороться вместе с нами против фашизма. Это ярко обнаружилось во время итало-абиссинской войны, когда русские профсоюзы отказались поддержать намеченную нами кампанию бойкота Италии, и Шверник в об-

ширном письме пытался оправдать этот отказ тем, что русские союзы не были привлечены к разработке плана кампании. У нас в Бельгии во время войны в Испании мы пытались, нарушая закон, наладить снабжение испанского республиканского правительства, за что наши товарищи сидели в тюрьмах. Но когда мы просили русских помочь нам в деле транспорта, Шверник ответил нам, что русские союзы не могут оказать нам в этом содействие, так как правительство их связано политикой «невмешательства».

Коммунисты ведут у нас издавна ожесточенную борьбу против единства рабочего движения. Как же мы будем вести совместно с ними борьбу за единство в международном масштабе?

Здановский (Польша): Обединение предполагает единство принципов объединяющихся организаций. Мы организации свободные, а в русских союзах нет и следа внутренней свободы. Вступление их в МФПС создаст угрозу для внутреннего единства Интернационала.

МФПС должна считаться с интересами движения в отдельных странах и не может принимать решений, которые создают в отдельных странах трудности. Решение, принятое в Осло, должно поэтому остаться в силе.

После краткого заключительного слова **Схевенелса**, выразившего свое изумление по поводу упрека Ракамона правлению МФПС, будто правление превысило свои полномочия, когда в письме к ВЦСПС упомянуло, что вступление русских союзов в Интернационал, должно иметь место на почве признания ими устава и постановлений МФПС, — вопрос был передан в комиссию, в состав которой вошли по одному представителю от каждой из стран.

Комиссия после тщетных поисков компромиссной формулы приступила к голосованию внесенных резолюций и всеми голосами против 4 (Англии, Франции, Норвегии и Мексики) отвергла английское и норвежское предложения (вопреки просьбе голландцев, поддержанной швейцарцами, англичане и норвежцы своих резолюций не сняли). После этого по предложению американского делегата комиссия постановила — всеми голосами против 1 при 2 воздержавшихся — предложить конгрессу подтвердить принятую в Осло резолюцию, в которой было постановлено «не продолжать» переговоров с русскими профсоюзами.

Когда Схевенелс доложил конгрессу о результатах работ комиссии, на голосование были поставлены лишь две резолюции: английская (норвежцы взяли свою обратно) и резолюция комиссии: «**Конгресс подтверждает принятые в Осло решения**». Английская резолюция голосовалась первой и была отвергнута 46 голосами против 37. За эту резолюцию голосовали Англия, Франция, Норвегия и Мексика, против — Соединенные Штаты, Бельгия, Голландия, Швеция, Дания, Финляндия, Польша, Швейцария, Люксембург, Палестина и Нидерландская Индия. После этого конгресс должен был перейти

к голосованию резолюции комиссии, но перед постановкой на голосование этой резолюции английская и французская делегации огласили несколько неожиданные заявления.

Хикс (Англия): Английская делегация не могла взять обратно свое предложение, но мы не можем не считаться с аргументами противников нашей точки зрения, не хотим создавать Интернационалу трудности и надеемся, что и русские ничего не предпримут для ослабления нашего Интернационала. Мы **будем голосовать за** предложение комиссии, так как принятое в Осло решение означает лишь, что выдвинутые русскими условия неприемлемы и что на этой почве продолжение переговоров невозможно; но возможность вступления в МФПС на общих основаниях остается открытой для русских профсоюзов и впредь.

Жуо (Франция) заявил, что французская делегация высказалась против принятого в Осло решения, но, не желая ослабить авторитета законного решения МФПС, она **воздержится** от голосования.

После этого резолюция комиссии была принята 60 голосами против 5 (Мексики) при 18 воздержавшихся (Франции и Норвегии).

Во время прений на конгрессе временами казалось, что конгресс резко разделится на две почти равные части. И при голосовании английской резолюции почти так и случилось. Она отвергнута скромным большинством голосов (46 голосами против 37), опирающимся, правда, на значительное большинство национальных федераций, но на меньшинство членов союзов. Если бы при голосовании резолюции комиссии голоса разделились точно так же, это несомненно было бы ударом для Интернационала, и эти соображения и заставили, по видимому, английскую делегацию голосовать за резолюцию (вместо того, чтобы воздержаться) и французскую и норвежскую делегации воздержаться от участия в голосовании (вместо того, чтобы голосовать против). Таким образом резолюция комиссии могла быть принята подавляющим большинством голосов, но эта группировка голосов при окончательном голосовании не может не отражаться и на толковании резолюции. Принятое конгрессом решение означает, что конгресс отвергает поставленные русскими профсоюзами условия и считает продолжение данных переговоров нецелесообразным (подтверждение принятого в Осло постановления), отвергает для данного момента и мысль о новом обращении к русским профсоюзам (отклонение английского предложения), и что вопрос возвращается в то состояние, в каком он находился до Лондонского конгресса. Но двери МФПС для русских профсоюзов не закрыты.

60-летие Фридриха Адлера

9 июля исполнилось 60 лет секретарю Рабочего Соц. Интернационала, тов. Ф. Адлеру. Достойный преемник своего знаменитого отца и неразлучный соратник Отто Бауэра в австрийском рабочем движении, Ф. Адлер сумел стать живым воплощением и символом пролетарского социалистического интернационализма.

Защитой идеи этого интернационализма был его выстрел в главу австрийской милитаристской реакции, графа Штюргка, прогремевший почти четверть века тому назад над окровавленной и опустошенной Европой, как героический и отчаянный призыв к объединению пролетариев всех стран в борьбе против империалистов и реакционеров всех стран и к воссозданию лежавшего в

нем практическому осуществлению этой идеи была и остается его неустанная деятельность на посту секретаря, сначала — Венского Обединения, развалинах Социалистического Интернационала. Служепотом, когда политика большевиков разрушила надежды на скорое восстановление единства всего рабочего движения, но оказалось возможным воссоединение обеих социалистических ветвей его, — основанного в 1923 году в Гамбурге Рабочего Социалистического Интернационала. И трудно сказать, в чем с большей силой сказались величие жизненного подвига Адлера: в мужественном ли выстреле 1916 года, или в самоотверженном погружении в невидимую и истощающую организационную работу, сокровенный, но

глубокий смысл которой может быть виден лишь тому, кому светят яркие лучи международно-социалистического идеала...

Сейчас мы переживаем время, омраченное все более отвратительными формами фашистской реакции и все более сгущающейся военной опасностью; время, являющееся, быть может, преддверием новой и еще более ужасной мировой войны; время, когда перед международным рабочим движением встают, хотя и в измененном соотношении эпохе виде, те же трудности и проблемы, и над Социалистическим Интернационалом нависают те же угрозы, что и четверть века тому назад. Нет ничего неожиданного и удивительного в том, что в это время фигура Ф. Адлера вновь оказывается в центре той борьбы за защиту идеи и практики социалистического интернационализма и за предотвращение нового разрыва международных социалистических связей, которая, как это уже ни для кого не тайна, начинается сейчас в недрах РСИ.

В этот момент с особо горячей благодарностью и уважением несутся к знаменитому социалистическому интернационалисту горячие приветствия всех тех, для кого этот интернационализм не парадная фраза, не абстракт-

ная идея, не бесконечно далекий от осуществления идеал, а та реальная, творческая сила, которая одна только еще может спасти человечество от падения в ту пропасть материального обнищания и культурного одичания, в которую грозят его ввергнуть, через кровавую бойню, фашизм и реакция. И вот почему день 60-летия Ф. Адлера является настоящим боевым праздником социалистического интернационализма и заслуживает быть отмеченным, как знаменательная веха, в анналах международного рабочего движения.

ТЕЛЕГРАММА ЗАГР. ДЕЛ. РСДРП ТОВ. АДЛЕРУ.

Дорогой товарищ и друг,

Связанные с вами четвертьвековой общностью воззрений и совместной борьбой за них, шлем Вам сердечные приветствия и поздравления ко дню Вашего 60-летия. Мы приветствуем в Вас не только человека, который благодаря всей своей деятельности сделался живым символом пролетарского Интернационала, но и верного и бесстрашного друга русской социалдемократии, не капитулировавшего и в самые трагические моменты перед террористической диктатурой.

Загр. Дел. РСДРП:
Ф. Дан, Р. Абрамович.

Париж, 9 июля 1939.

Заграницей

А. РОССИ: ИТАЛЬЯНСКИЙ НАРОД И ВОЙНА.

От Редакции. — Воспроизводим из «Соц. Кампф» (№ 10) интересную статью тов. Росси о настроениях в Италии. Характеристики, которые он дает, относятся к апрелю-маю, но они не потеряли своей актуальности и в настоящий момент.

3-го мая в Париже распространились упорные слухи о том, что в Милане произошли демонстрации протеста против возрастающего влияния гитлеровской Германии в Италии. Слухи эти, которые мы с самого начала восприняли с большим скептицизмом, не подтвердились. Наоборот, миланские газеты воспроизвели на первой странице соответствующие сообщения французских и других газет для того, чтобы продемонстрировать «кампанию клеветы», которая ведется против Италии *).

Отсюда, конечно, никоим образом не следует, что итальянский народ за войну, или что господствующему режиму удалось привлечь симпатии народа к своей внешней политике. Чтобы отдать себе отчет в действительном состоянии того, что в Италии называется «общественным мнением, надо прежде всего указать, что при фашистском режиме этот термин имеет совершенно иное значение, чем в странах более или менее демократических... В Италии нет возможности измерять коллективные реакции по той простой причине, что таких коллективных реакций вообще не имеется. Имеются лишь разрозненные явления в различных местах, в различных

социальных слоях, которые приходится самим суммировать, сравнивать, подытоживать и т. п. Мы поэтому в дальнейшем приводим выдержки из отчетов, поступивших за последнее время из Италии от надежных товарищей, живущих и работающих там.

Рабочий класс.

Сведения, которые имеются о настроениях рабочих, звучат не очень оптимистически. Шестнадцать лет фашистского господства разрушили не только организации рабочих, но и рабочий класс как таковой, т. е. его коллективное классовое сознание. Отсутствие всякой политической жизни приводит в конце концов к оцепенению духа, подобно тому, как длительная неподвижность какого-нибудь органа может привести к его параличу. Вот два отчета. Первый исходит от социалиста, занимающего видное место в нелегальной организации:

«В деревне нищета, запущенность, в которые режим вверг массы, отнял у них всякую способность к реакции. В воздухе разлитое как бы физическое недомогание, от которого каждый стремится уйти как может. Абиссинский и испанский походы показали, что в деревнях (а отчасти и в городах), придавленных безработицей и нуждой, режиму удается вербовать довольно большое количество «добровольцев» для своих военных предприятий. Можно поэтому предвидеть, что и в случае войны мобилизация сельского населения не натолкнется ни на малейшее сопротивление.

В промышленных массах города или по крайней мере больших городов, дело обстоит несколько иначе. Промышленные рабочие настроены сплошь пацифистски, но их пацифизм аморфный, пассивный, неполитический. Поэтому нужно ожидать, что и в городах рабочие, которые ни фашисты, ни анти-фашисты, а просто недовольные, без сопротивления пойдут в казармы. Нам кажется, что только в случае серьезного военного поражения недовольство этих масс станет активным и сможет перейти в восстание.

Второй отчет исходит от коммуниста, работающего в крупном промышленном центре севера. Он опубликован в журнале итальянской компартии «Стато Операйо» от 30-го марта 1939 года.

«Превращение значительной части итальянского народа в люмпен-пролетариат, происходящее благодаря потере политической свободы и вследствие полного экономического порабощения, дает режиму огромное

*) Единственные определенные факты, которые мы считаем достоверными, опубликованы в заграничном издании итальянской республиканской партии. Речь идет об инцидентах, имевших место в городе Удине в конце апреля в связи с призывом запасных: «Когда призванные на «маневры» запасные пошли являться в Военное Бюро, жены их, в числе около 500, собрались перед префектурой, чтобы протестовать против нужды и войны. Когда полиция не смогла справиться с женщинами, префектура потребовала подкрепления у фашистской милиции. Как раз в это время значительный отряд запасных проходил мимо префектуры к близлежащей казарме. Привлеченные криками женщин, запасные бросились защищать своих жен от милиционеров. Несмотря на вмешательство офицеров, произошла свалка. Только через час удалось восстановить порядок, причем много офицеров было ранено и очень много народа было арестовано».

число рабочих рук, которое готово идти на все, лишь бы уйти от нужды. Эти люди готовы идти в Абисинию и в Испанию. Обвинившие элементы пролетариата и горных крестьян потеряли всякую классовую идеологию и образуют здесь у нас, — а кажется и в других областях, — наилучший «человеческий материал» для фашизма. По существу они ни во что не верят и наверняка будут плохими солдатами. Но среди них нет и оппозиционеров, а социально они режиму удобнее, когда сидят в казармах в солдатской шинели, чем когда остаются дома в состоянии длительной полу-безработицы. Строительные рабочие, в среде которых царит тяжелая безработица, и наиболее бедные сельские районы поставляют наиболее многочисленный контингент ко всему готовых исполнителей. Средний итальянский рабочий представляет собой полную загадку: он никогда не говорит о политических делах, еще меньше интересуется профсоюзными вопросами, часто ворчит, но только в общей форме. В общем-же он прозябает, в полном смысле этого слова.

Из этих сообщений отнюдь не следует, что над итальянским рабочим надо поставить крест... Тут просто произошел процесс исчезновения старых политических нравов, старой политической терминологии, всего мира старых представлений. Политическая жизнь продолжается, но только в совершенно другом виде... Рабочий класс и весь народ потеряли свои прежние формы политического воспитания: партии, профсоюзы, кооперативы, муниципалитеты. Вместе с тем они потеряли те представления, которые они когда-то там приобрели, подобно тем сардинским пастухам, которые, научившись в школе читать и писать, снова становятся безграмотными, лишь только возвращаются к своей жизни в полном одиночестве. Если произойдет война, то она и будет «политической школой» для этой массы, которая уже ничего общего не имеет с массами 1919-20 гг., и с которой можно остаться в контакте только в том случае, если приспособиться к ней, если понять ее положение, ее настроение, ее нищету, ее отчаяние, — отчаяние, не менее сильное от того, что оно прикрыто толстой корой пассивности.

Военный психоз.

Итальянский народ находится сейчас в состоянии военного психоза, который так же силен, а может быть и сильнее, чем в других странах. Албанская экспедиция в особенности пробудила в народе ощущение, что военная опасность становится реальной:

«Высадка войск в Албании вызвала период острейшего напряжения и сильнейшего военного психоза. Албанский вопрос, как таковой, отступил на задний план перед непосредственной угрозой войны, связанной со слухами об английском десанте в Корфу и мобилизации британского флота. Это напряжение и этот психоз приняли общий характер. Повсюду господствует пассивное отчаяние, глубокая подавленность. До нас дошли слухи о некоторых стычках в Турине и о небольших демонстрациях в Венецианской области, где крестьяне протестовали против того, что их призвали как раз на Пасху. Настроение запасных было такое, что их пришлось отделить от молодых солдат. Подавленность вызывается прежде всего ощущением, что вот приходится идти на заклание по приказу немцев, без всякой пользы для себя. Кроме того, все угнетены заботой о семьях, которые остаются почти без всякой поддержки, ибо жены мобилизованных получают пособие всего лишь меньше 3 лир в день. Страх еще усиливается тем, что нет почти никакой защиты против воздушных нападений».

Военный психоз усилился еще больше, когда стало ясно, что Франция и Англия не уступят без боя.

«Введение всеобщей воинской повинности в Англии дало официальным фашистским журналистам пищу для шуток, но на народ это произвело в Италии огромное впечатление. И не только на народ, но и на многих фашистских вождей, ибо все понимают, что для Италии означает война в Средиземном море против соединенных сил Англии и Франции. Сведения о гигантских

военных приготовлениях Франции на альпийской границе и о еще более гигантских морских приготовлениях Англии очень скоро потушили искусственно раздутый энтузиазм. Даже ярые фашисты отдают себе отчет в опасности создавшегося положения, но они доверяют ловкости дуче и думают, что он в последний момент перекинется в другой лагерь».

К сожалению, надо прибавить, не вдаваясь ни в какие иллюзии, что хотя брожение, вызываемое военным психозом, может вызвать подавленность и отчаяние, но нет никаких оснований предполагать, что эти явления могут вызвать изменение ситуации или же непосредственно повлиять на внешнюю политику режима.

Средние классы.

Как раз в средних классах можно в Италии найти, оставляя в стороне маленькие социал. и комм. группы, единственное проявление той активности, которую условно можно назвать политической, если, конечно, не придавать этому обозначению того смысла, который оно когда-то имело. Нет ничего организованного, открытого, нет сопротивления, а есть только недовольство, брюзжание, раздражение, не больше.

Но в той неустойчивой ситуации, в которой, — вопреки внешней видимости прочности и тотальности, — на самом деле находится сейчас Италия, полезно и необходимо проследить и самые малейшие трещины, даже если они пока еще никакой непосредственной опасности для режима не представляют. Геологические события могут превратить эти тонкие трещины в глубокие разрывы и привести, таким образом, к разрушению здания, которое его «использователи» любят называть «монотоном».

Подробный анализ положения средних слоев, как старых, так и тех новых, которые созданы режимом, был бы чрезвычайно интересен, но для этого здесь нет места. Мы ограничимся, поэтому, только некоторыми констатациями.

«В общем можно сказать, что городские и сельские средние слои: мелкие крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, мелкие предприниматели в своей основной массе разорены. Зато, с другой стороны, имеются слои интеллигенции и мелкой буржуазии, которые разжились на фашистских синдикатах и корпорациях и на руководимых государством отраслях промышленности. Эти элементы восприняли наклонности, вкусы, нравы богатых буржуа, не восприняв в то же самое время тех представлений о морали, которые так или иначе были у старой буржуазии. Эти элементы способствуют таким образом падению и гниению буржуазии».

Что касается студентов, то в маленьком меньшинстве их имеется некоторое движение, но оно немедленно подавляется режимом, который закрывает один за другим, обычно сейчас же после первого номера, все журналы, проявляющие какой-либо уклон. Тут речь идет об элементах, которые составляют оппозицию в официальной фашистской студенческой организации и в синдикатах и настроены против внешней, так и внутренней и социальной политики режима. Необходимо подчеркнуть, что речь идет о молодежи, которая, оставая в стороне католическую молодежь, является фашистской. Но их фашизм носит «критический» характер, противопоставляющий себя «бюрократическому» фашизму. Это молодые люди, которые приняли всерьез фразы о «социальной справедливости» и «преодолении противоречий»; они на свой лад социалисты, которые гонятся за утопией «равенства классов», «демократии в профсоюзах» и «корпоративной собственности». Эта молодежь глубоко задета политикой подчинения Италии немецким наци, ибо эта политика оскорбляет их лучшие национальные традиции и противоречит длительным интересам страны.

Но эта оппозиция внутри фашизма имеет лишь минимальное значение. Она интересна лишь как тенденция, которая может развиваться в ходе событий и разочарований и способствовать разложению режима.

Католическая церковь.

Католическое духовенство, которое в 1935 году выступало за абиссинскую войну, сейчас недвусмысленно высказывается против войны, в которой Италия должна была бы идти вместе с Германией.

Сейчас в Италии происходит нечто аналогичное тому, что было в годы 1914-18, но только с обратным знаком. Духовенство сейчас, как и тогда, за нейтралитет. Но тогда этот нейтралитет диктовался с одной стороны симпатиями к Австрии — этой единственной католической монархии в Центральной Европе, — и к Германии, — этому государству порядка, в котором католический «центр» играл крупную роль, — и с другой стороны — недоверием к республиканской, анти-церковной, «фран-масонской» Франции. Сейчас политика нейтралитета диктуется тем, что для католической церкви самой прямой и тяжелой опасностью является гитлеровская Германия. В Ватикане политика «оси» не имеет союзников.

С другой стороны, совершается и другое явление, которое опять-таки имеет параллель в событиях 1914-18 годов: происходит нарастание католической веры в виду того, что церковь является единственным местом, где человек не целиком находится во власти режима. Вот отчет, подтверждающий это явление (таких отчетов имеется еще много других):

«В деревнях католическая пропаганда является сильным противовесом против пропаганды прессы, ибо сейчас церковь решительно против войны и в первую очередь войны на стороне Гитлера... Авторитет церкви растет и в городах, где многие находят моральную поддержку в ее позиции».

Не нужно переоценивать для данного момента практическое значение этого явления. Для масс это «прислонение» к церкви является лишь средством проявить свое оппозиционное настроение, остаться вне рядов фашизма, не выходя, однако, из состояния пассивности. А что касается самого Ватикана, то он из своей осторожной позиции не выйдет, хотя бы именно потому, что массы смотрят на него как на своего вождя и возможного спасителя. Он принимает свои меры предосторожности, реорганизуя в корне руководство «Католического Действия». Органы этого «Действия» уже раньше были поставлены под контроль епископов. Сейчас этот контроль еще усилен, и в комитеты больше не входят представители прихожан. Этим путем Ватикан стремится предотвратить переход «Католического Действия» в область политики, что привело бы церковь в конфликт с фашистским режимом, и чего церковь во что бы то ни стало хочет избежать.

Подводя итоги тому, что мы сказали, мы можем установить следующее: ожидать активного сопротивления против внешней политики фашизма не приходится; если дело дойдет до всеобщей мобилизации, то она пройдет без серьезных инцидентов — солдаты явятся и будут драться. Но при первом серьезном поражении силы оппозиции и разложения, которые имеются в итальянском народе в скрытом состоянии, могут быстро развиться и привести к серьезному кризису. Это произойдет и тогда, а может быть и в особенности тогда, если на помощь фашистской милиции для поддержания «порядка» придет гитлеровская полиция. Если фашизму не удастся в сравнительно короткий срок добиться более или менее крупных успехов, то в ближайшей войне итальянский сектор станет политически наиболее уязвимым и в военном отношении наиболее слабым участком «оси».

ВОЗЗВАНИЕ БРИТАНСКИХ РАБОЧИХ К НЕМЕЦКОМУ НАРОДУ.

Национальный Совет Британского рабочего движения, в котором представлены как Лейбор Партия, так и трэд-юнионы, выпустил 1-го июля следующий манифест к немецкому народу, который был передан английскими радио-станциями на немецком языке.

«В течение ряда лет Европа живет в атмосфере войны. Нации вооружаются. Лихорадочно делаются приготовления к войне.

Люди спрашивают себя: Неужели будет война? Не стоим ли мы на пороге войны? Уже самый факт, что такого рода вопросы ставятся, образует опасность. Ибо ни нам, ни вам нельзя примириться с мыслью, что война неизбежна.

Разум и воля человечества должны взять вверх. Вы, немцы, мы, англичане, и все другие народы должны быть не рабами, а властелинами своих судеб. Мы не должны дать себя бездумно втянуть в военную катастрофу. На ком лежит ответственность за это постыдное положение? Среди вас имеются люди, которые могут сказать, что миру Европы угрожает опасность от того, что Германия «окумугована» врагами, стремящимися ее разрушить и сделать невозможной хозяйственную жизнь немецкого народа. Это намеренное искажение истины, и ваш министр пропаганды это отлично знает.

Верно, что некоторые европейские державы сблизились между собою для того, чтобы лучше организовать свою защиту. И британское рабочее движение требовало от своего правительства этих шагов. Но не для того, чтобы причинить зло Германии, а для того, чтобы **сохранить мир**, делая невозможным успех агрессии.

Гитлер, Муссолини и все те события, за которые эти два человека ответственны, — вот те основные двигатели, которые заставили англичан занять теперешнюю позицию.

Повторные вызывающие и вичствственные речи Гитлера, Муссолини и их главных помощников не могли не вызвать тревоги в других народах. Эти речи совершенно сознательно были произнесены с целью и в надежде запугать не только свои собственные народы, но и народы чужих стран и заставить их подчиниться своей диктаторской воле.

Мы не думаем, что итальянский и немецкий народ желали, чтобы в Испании была пролита немецкая и итальянская кровь. Мы уверены, что в частности итальянский народ в данную минуту опасается за свою будущность и справедливо возмущается все растущим подчинением своей страны политике г-на Гитлера.

Ваше правительство упорно отклоняло все предложения мирных переговоров, которые могли бы привести к выполнению ваших желаний, и предпочитало политику угроз, вымогательства и насилия. События, закончившиеся в марте этого года brutальным захватом Чехословакии, убедили нас в том, что ваше правительство стремится не к чему иному, как к господству над Европой и к ее порабощению.

Сейчас аналогичная тактика военных приготовлений, лживой пропаганды и намеренно провоцируемых беспорядков проводится по отношению к Польше в связи с Данцигом. Необходимо, чтобы вы отдали себе отчет в том, что если дело пойдет так дальше, то результатом будет **война**.

Британский народ пришел к заключению, что интересы его собственной безопасности требуют того, чтобы было сгруппировано как можно большее число наций в целях поддержания мира и оказания действительного отпора агрессии. Не один только английский народ почувствовал необходимость заключения или расширения оборонительных союзов. То же самое имело место и во Франции, Польше, Турции, Румынии и Греции, с которыми, как мы с удовольствием констатируем,

«Мировой Большевиизм» по-французски:

Jules MARTOV

“LE BOLCHEVISME MONDIAL”

Préface de Jean LEBAS

Introduction de Th. DAN

Sté d'Éditions «Nouveau Prométhée, Paris 1934.
176 pages. Prix 8.—Frs.

С заказами обращаться в контору «Соц. Вестника»

Великобритания имеет в настоящее время оборонительные договоры. Мы хотим надеяться, что в скором времени и между Советским и Великобританским правительствами будет заключено аналогичное соглашение. Рабочее движение Великобритании пустило в ход все свое влияние, чтобы этого добиться.

Последнее обращение президента Рузвельта к Муссолини и Гитлеру с достаточной ясностью показало вам, что и великий и могущественный народ Соед. Штатов не может себе позволить остаться равнодушным к тревожной ситуации в Европе.

Мы обращаемся к вам с полной откровенностью, ибо совершенно необходимо, чтобы вы поняли, что никто не собирается идти войной против Германии. Мы — ваши друзья. Если имеется опасность войны, то она исходит не извне, а изнутри вашей страны, и ответственным за эту опасность является Гитлер и его правительство. Никто иной, как Гитлер «окружает» сам себя, а вместе с собой и вас всех.

Подумайте, как все это бессмысленно, превратно и бесполезно! Ваша страна, наша страна и много других стран расходуют тяжелым трудом заработанные средства на то, чтобы накапливать во все большем количестве машины смерти и разрушения. Деньги, энергия и ум, затраченные столь бессмысленным образом, ведь можно было гораздо более целесообразно употребить на улучшение социальной и хозяйственной жизни народа. Что касается нас, то мы масло предпочитаем пушкам.

Какое это будет безумие, если мы займемся кровавым делом взаимного уничтожения. Война не является необходимостью. Путь к справедливости открыт для вас и для нас и без войны. Вы и мы, рабочие всех стран, должны добиваться того, чтобы конфликты разрешались при помощи разума, а не путем войны. Но никогда мы не подчинимся угрозам и вымогательствам самодержавных диктаторов.

Нынешнее ужасное положение, когда нет ни мира, ни войны, не может продолжаться вечно. Мы не можем делать диктаторам уступки под угрозой насилия, ибо мы знаем из опыта, что чем больше им уступаешь, тем безграничнее становятся их требования. Только путем мирного сотрудничества мы можем строить мир счастья, спокойствия и преуспевания.

Мы понимаем ваше положение. Мы знаем, что в вашей стране, как и в Италии, диктаторы так боятся своих народов, что они не позволяют им ни свободно говорить, ни свободно обсуждать государственные дела. Вам не позволяют знать, что думают другие народы, и что происходит в других странах. Вам не рассказывают о том, какому превосходству военных, экономических сил ваша страна будет противостоять в случае войны. Но, несмотря на все трудности, мы умоляем вас сделать все для вас возможное, чтобы дать понять вашему правительству, что вы хотите мира, а не войны. Знайте, что как только ваше правительство вступит на путь разума, как только оно откажется от методов насилия и вернется к

методам мира, смогут начаться переговоры на основе полного равенства. Далекие от мысли «окружить» вашу страну с целью ее уничтожения, мы, наоборот, приглашаем вас присоединиться самим к нашему кругу, вступить в мировой союз народов, для того, чтобы великие способности германского народа могли содействовать созданию мира, в котором человечество будет преуспевать.

Дадим знать правительствам всех стран, что народы желают не убивать друг друга, а жить в мире и в дружбе.

ОТВЕТ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

ЦК германской социалдемократической партии опубликовал следующий ответ на обращение британских рабочих:

«Мы с благодарностью приветствуем зов, с которым вы обратились к германскому народу. В те критические дни, которые мы сейчас переживаем в Европе, есть только один способ спасти мир: сделать так, чтобы германский народ узнал правду.

Германский народ желает мира не меньше, чем народы Англии и Франции. Только Гитлер толкает к войне. Разоблачать диктатуру Гитлера как злейшего и опаснейшего врага человечества и самого немецкого народа, — вот сейчас самая основная политическая задача. Вашей исторической заслугой является то, что вы занялись этой задачей с политической дальновидностью и решительностью.

Мы сделаем все, что находится в наших силах, для того, чтобы ваш призыв дошел до немецкого народа. И мы надеемся, что нам в этом помогут все друзья свободы и мира во всем свете.

Париж, 3-го июля 1939 г.

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ.

Арест с.-д. Лоренца в Риге.

В Риге арестован на днях один из виднейших руководителей Латвийской социалдемократии легального периода, тов. **К. Лоренц**, бывший до фашистского переворота членом (кассиром) ЦК Латв. С.-Д. Партии и депутатом парламента.

Арест этот, совершенный без предъявления каких бы то ни было обвинений и без всякого законного основания (даже по действующим ныне в Латвии исключительным военнополовым «законам») надо рассматривать, как указание на то, что фашистское правительство Ульманиса, повинувшись настоячивым указаниям Берлина, начинает «изымать из обращения» общественных деятелей, зарекомендовавших себя при демократическом строе, как противники про-гитлеровской ориентации.

Необходимо чтобы зап.-европейская общественность отдала себе ясный отчет в значении подобного рода актов и призвала к порядку латвийских почитателей Гитлера.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1939 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

19-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.; для С.А.С.Ш. за год — 6 долл., за 1/2 г. — 3 долл., за 1/4 г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за 1/2 г. — 75 фр., за 1/4 г. — 40 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 4 фр., двойного — 6 фр.; для С.А.С.Ш. — 25 центов, двойного — 35

центов; для остальных стран — 6 фр., двойного — 9 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно:

- 1) L'Almanach populaire pour 1939 или
- 2) Otto Bauer. — Die illegale Partei или
- 3) L. Blum. — L'exercice du pouvoir.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно